

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.А. Коновалов

**Пастырское богословие и
«пастырская аскетика» :**
к вопросу о научном построении системы
православного Пастырского богословия

Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 6. С. 787-812.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Пастырское богословіе и „пастырская аскетика“.

(Къ вопросу о научномъ построеніи системы православнаго Пастырскаго богословія).

ВОПРОСЪ о значеніи «пастырской аскетики» въ системѣ Пастырскаго богословія, совпадая въ своемъ содержаніи съ тѣмъ, что соотвѣтствуетъ обозначенію «предметъ науки», относится къ разряду тѣхъ пропедевтическихъ проблемъ, которыя хотя и неизбѣжны для всякой науки, но имѣютъ далеко не одинаковый научный интересъ и значеніе въ приложеніи къ различнымъ дисциплинамъ. Въ то время какъ въ построеніи однѣхъ онѣ имѣютъ такъ сказать основоположительное значеніе, являясь какъ бы первымъ пробнымъ камнемъ и обуславливая такимъ или инымъ своимъ рѣшеніемъ не только такой или иной видъ и форму строяемой дисциплины, но и ея прочность, въ приложеніи къ другимъ оказываются почти совершенно излишними и во всякомъ случаѣ лишенными самостоятельнаго научнаго значенія, а слѣдовательно и достаточнаго основанія для того, чтобы служить предметомъ особливаго разсужденія.

Причина такого различія заключается въ особенностяхъ историческаго существованія и развитія отдѣльныхъ дисциплинъ и современнаго ихъ состоянія, какъ опредѣленной ступени въ этомъ развитіи. Въ то время, какъ однѣ дисциплины въ своемъ историческомъ развитіи находились въ столь благопріятныхъ условіяхъ, что къ настоящему времени принадлежащія имъ области отграничены весьма ясно, а подлежащія ихъ изслѣдованію предметы совершенно опредѣленны, поступательное шествіе впередъ другихъ совершалось въ такихъ условіяхъ и такимъ образомъ, что къ настоящему времени

вопросъ о точнѣйшемъ опредѣленіи сферы подлежащихъ ихъ изслѣдованію вопросовъ оказывается не только умѣстнымъ, но и положительно необходимымъ для цѣлей дѣйствительно плодотворной разработки ихъ въ дальнѣйшемъ.

Пастырское богословіе, къ сожалѣнію, должно быть причислено къ разряду этихъ послѣднихъ.

По весьма многимъ причинамъ современное положеніе этой науки таково, что опредѣленіе ея мѣста среди другихъ наукъ путемъ твердаго установленія особаго предмета ея изслѣдованія, т. е. отграниченія того матеріала, надъ которымъ она должна оперировать, составляетъ основную ея задачу даже въ настоящее время, такъ какъ и людьми вполне компетентными въ данной области до самаго послѣдняго времени высказывалась мысль, что, какъ это ни странно, мы не имѣемъ еще яснаго представленія о задачахъ Пастырскаго богословія, не смотря на то, что пасторалистическая литература существуетъ издавна.

Даже обычное въ приложеніи къ другимъ наукамъ и оправдываемое на первый взглядъ и въ приложеніи къ Пастырскому богословію положеніе, что общія указанія на матеріалъ и содержаніе науки даются уже въ самомъ названіи ея, въ дѣйствительности оказывается почти непримѣнимымъ къ нашей дисциплинѣ, потому что констатируемое согласіе пасторалистической литературы всѣхъ исповѣданій въ признаніи того, что Пастырское богословіе должно дать *теорію пастырства*, ничего существеннаго не привноситъ въ дѣло опредѣленія содержанія *православнаго Пастырскаго богословія*, ибо, во-первыхъ, опредѣленіе—«теорія пастырства»—не дѣлаетъ предмета нашей науки яснымъ и опредѣленнымъ, поскольку самый этотъ терминъ есть отнюдь не ясное отграниченіе сферы спеціальнаго изслѣдованія Пастырскаго богословія, а лишь голая схема, вполне годная для заполнения совершенно различнымъ содержаніемъ въ зависимости отъ того, что берется въ качествѣ исходнаго пункта и конечной цѣли построенія. Во-вторыхъ, указанное согласіе пасторалистической литературы всѣхъ исповѣданій въ такомъ именно, а не иномъ пониманіи содержанія Пастырскаго богословія отнюдь не является доказательствомъ правильности этого пониманія, поскольку несомнѣнный фактъ наличности конфессіональныхъ различій, особенно рельефно выдѣляющихся въ пониманіи первоосновъ пастырства и сущности этой дѣятельности въ отдѣльныхъ исповѣданіяхъ, во-первыхъ, побуждаетъ ожидать и въ области

Пастырскаго богословія не согласія, а различія, и во вторыхъ, заставляетъ признать, что *православное* Пастырское богословіе должно идти въ своемъ развитіи своею особою дорогою, вполнѣ самостоятельно.

Три основныя положенія должны быть указаны въ качествѣ необходимыхъ предпосылокъ для рѣшенія нашего вопроса, положенія, которыя, вытекая изъ историческаго хода развитія нашей дисциплины и ея современнаго состоянія, образуютъ собою *desiderata* въ построеніи ея: во-первыхъ, Пастырское богословіе должно быть *наукой*, во-вторыхъ,—наукой *практически* для дѣла пастырства *полезной*, и въ-третьихъ—наукой *православной*. Такую постановку Пастырскаго богословія, когда оно будетъ вполнѣ удовлетворять этимъ тремъ требованіямъ, мы должны признать если не идеальною, то во всякомъ случаѣ совершенно правильною.

Первое изъ этихъ требованій источникомъ своимъ имѣетъ такую постановку Пастырскаго богословія въ прошломъ и настоящемъ, когда давалась почва для обвиненія его въ томъ, что Пастырское богословіе—вовсе не наука, такъ какъ оно беретъ извѣстныя положенія изъ разныхъ наукъ не только богословскихъ, напр. догматическаго и нравственнаго богословія, но и философскихъ, напр. психологіи и педагогики, подгоняетъ ихъ подъ посторологическую точку зрѣнія, примѣнительно къ частнымъ видамъ пастырской дѣятельности, и этимъ все дѣло ограничивается, такъ что въ лучшемъ случаѣ оно представляетъ собою искусство, а не науку.

Такія обвиненія предъявлялись Пастырскому богословію до самаго послѣдняго времени какъ у насъ въ Россіи, такъ и на Западѣ, откуда можно вывести то заключеніе, что конфессіональныя особенности не исключили возможности общаго дефекта въ построеніи системы нашей науки. Общность же дефекта естественно обусловила собою и общность въ стремленіи устранить его до невозможности предъявленія указаннаго обвиненія. Конечно, реализація этого стремленія могла совершаться и дѣйствительно совершалась различно въ отдѣльныхъ исповѣданіяхъ, такъ что мы имѣемъ предъ собою довольно различную постановку нашей науки въ православіи, католичествѣ и протестантствѣ.

Пастырское богословіе у католиковъ уже ко второй половинѣ XIX в. отлилось въ вполнѣ опредѣленную форму, которая, найдя себѣ полнѣйшее оправданіе въ основныхъ догма-

тическихъ устояхъ католичества, получила необычайную прочность, оставаясь неизмѣнною и до настоящаго времени. Исходя изъ догматическаго ученія о Церкви и священствѣ, которое (ученіе) по своимъ конфессіональнымъ особенностямъ является чрезвычайно характернымъ въ данномъ отношеніи, и имѣя въ виду соотвѣтствіе существу и цѣли опять-таки своеобразно понимаемаго пастырскаго служенія, Пастырское богословіе у католиковъ превратилось въ *prudencia pastoralis*, въ систему правилъ и принциповъ священническаго служенія, еще точнѣе—въ руководство, имѣющее своею послѣднею цѣлью указаніе наилучшихъ способовъ выполненія этого служенія и предостереженіе пастырей, особенно начинающихъ, относительно ошибокъ въ отправленія ихъ служенія. Пастырская должность, говорится въ «*Pastoraltheologie*» Шиха ¹⁾, должна быть выполняема по опредѣленнымъ положительнымъ правиламъ, которыхъ никто а priori отъ себя изобрѣсти не можетъ; по слову св. Григорія Великаго, *ars est artium regimen animarum*; слѣдовательно, заключаетъ Шихъ, пастырство есть прежде всего искусство и, какъ такое, требуетъ весьма тщательнаго предварительнаго приготовленія, изученія и многого упражненія, и хотя это искусство никто не выучиваетъ, но учить можетъ и долженъ всякій. Отсюда Пастырское богословіе у католиковъ есть прежде всего *руководство*, полезное въ практикѣ священнослуженія.

Эту послѣднюю черту особенно рельефно отбѣняетъ Бенгеръ ²⁾. Для того, чтобы пастырю быть на верху своего положенія, говоритъ онъ, и быть способнымъ къ этому, необходимо *руководство*, т. е. теоретическія правила, образцы для подражанія и т. д. Таковымъ и должно быть Пастырское богословіе. Приобрѣтеніе знанія ради самаго знанія, стремленіе образовывать научную систему Пастырскаго богословія безъ соображенія, будетъ ли она полезна для практики пастырскаго служенія или нѣтъ, стремленіе научные интересы сравнять съ реальными пользами для Церкви, все это, говоритъ Бенгеръ, опасно и неосновательно. Научные интересы въ области Пастырскаго богословія, должны слѣдовать непременно за практическими и служить послѣднимъ, и Пастырское богословіе въ этомъ смыслѣ должно быть названо «*ancilla practicae*». Всѣ

¹⁾ Schüch. *Pastoraltheologie*, Innsbruck 1899, 4 Aufl., S. 4 ff.

²⁾ Benger. *Pastoraltheologie*, Regensburg 1890, B. I, S. 2 ff.

т. н. «научныя» конструкціи Пастырскаго богословія, не являющіяся по своему существу руководствами, Бенгеръ считаетъ стоящими на ложномъ пути.

Научная задача Пастырскаго богословія въ католической конценціи можетъ быть обозначена такъ: оно *должно дать правила* къ достойному прохожденію священническаго служенія, и именно: 1) полно собрать ихъ, 2) упорядочить и систематизировать и 3) изъяснить, т. е. а) раскрыть точный ихъ смыслъ и в) доказать, т. е. показать ихъ происхожденіе, развитіе, современную практическую примѣнимость, согласіе съ идеей, цѣлью и природой Церкви, и т. д. ¹⁾

Понятное дѣло, Пастырское богословіе въ этомъ видѣ оказывается въ ближайшемъ соприкосновеніи со многими историческими и систематическими богословскими дисциплинами—Церковнымъ Правомъ, Догматикой, Нравственнымъ богословіемъ и т. д., особенно съ послѣднимъ ²⁾.

Однако отсюда не слѣдуетъ, что католики не считаютъ Пастырское богословіе самостоятельной наукой. Тотъ же Бенгеръ, вслѣдъ за приведеннымъ взглядомъ на задачу Пастырскаго богословія, доказываетъ и то положеніе, что послѣднее есть именно наука, вполне самостоятельная, потому что оно а) не является лишь моралью духовенства и, слѣдовательно не составляетъ лишь части Нравственнаго богословія, хотя и при-

¹⁾ Benger, op. cit. B. I, S. 3.

²⁾ Взаимное отношеніе Пастырскаго и Нравственнаго богословія Шихъ (Pastortheologie, S. 3) опредѣляетъ такъ: Нравственное богословіе показываетъ, что долженъ дѣлать всякій человекъ, чтобы исполнить волю Божию и достигнуть своего истиннаго назначенія. Пастырское же богословіе имѣетъ своею задачею показать, какія обязанности лежатъ на душепопечителѣ и какъ должно ихъ выполнять, чтобы всѣ люди достигли своего вѣчнаго назначенія. Въ то время, какъ Нравственное богословіе обнимаетъ всѣ поступки, всякое дѣйствованіе въ христіанской жизни и трактуетъ о ихъ нравственной цѣнности въ отношеніи къ истинному назначенію всѣхъ людей вообще, Пастырское богословіе ограничиваетъ себя область душепопечительныхъ дѣйствованій и именно въ ближайшемъ отношеніи ихъ къ особымъ цѣлямъ обязанности душепопеченія.

Слѣдовательно, образъ жизни и мыслей духовенства, если разсматривать его какъ обнаруженіе нравственности самой по себѣ, относится къ области нравственнаго богословія; если же его разсматривать съ точки зрѣнія значенія для пасомыхъ, т. е. если смотрѣть на него уже или какъ на *пасеніе примѣромъ* (exemplum pasceret) или какъ на предпосылку для добраго и плодотворнаго пастырскаго служенія, то это будетъ относиться уже и къ Пастырскому богословію.

мыкаетъ къ нему тѣснѣйшимъ образомъ ¹⁾); b) по своему построению отличается отъ церковныхъ канонѡвъ, законѡвъ и распоряженій, предлагающихъ пастырскія правила въ догматической формѣ ²⁾); c) оно есть не просто справочная книжка для начинающихъ пастырей, не практическая пастырская энциклопедія ³⁾). а научное руководство, т. е. научная по формѣ, основанная на Откровеніи, богословская дисциплина, возводящая практику къ общимъ принципамъ и связывающая эти послѣдніе опредѣленными (исходными и цѣловыми) точками зрѣнія въ одно органическое цѣлое ⁴⁾.

Конечно, если это и только это считать достаточнымъ признакомъ самостоятельности науки, то Пастырское богословіе и въ такомъ пониманіи будетъ наукой. Но такое пониманіе односторонне, и указанная черта отнюдь не гарантируетъ опредѣленности и самостоятельности Пастырскаго богословія среди другихъ богословскихъ наукъ, особенно тѣхъ, которыя изучаютъ отдѣльные виды пастырской дѣятельности — гомилетики и литургики, потому что, соприкасаясь со всѣми сторонами дѣятельности священника — проповѣдью, богослуженіемъ, учительствомъ, — оно расплывается на необъятномъ пространствѣ всѣхъ тѣхъ наукъ, которыя изучаютъ эти дѣятельности. Черезъ это предметъ науки, наличность самостоятельности котораго и является собственно главнымъ признакомъ послѣдней, дѣлается неуловимымъ, а самая система — крайне неопредѣленную въ смыслѣ положенія среди смежныхъ съ нею богословскихъ дисциплинъ.

Такимъ образомъ, Пастырское богословіе въ этомъ видѣ является наукой лишь по внѣшней формѣ, но не по существу, и удовлетворительно такая постановка его можетъ считаться развѣ лишь съ католической точки зрѣнія на сущность и задачи пастырства, какъ служенія, направленнаго исключительно къ поддержанію пасомыхъ въ церковномъ общеніи чрезъ выполненіе внѣшнихъ предписаній, гдѣ пастырская психологія отодвигается на задній планъ, и во всякомъ случаѣ уступаетъ мѣсто опредѣленной внѣшней регулѣ.

Въ протестантствѣ католическое пониманіе предиката научности признается не выдерживающимъ критики и потому у нихъ наука о пастырствѣ, имѣя существенно иную постановку,

¹⁾ Benger, S.S. 6 и 7 ep. Schüch, S.S. 3 --4.

²⁾ Benger, S. 4.

³⁾ Benger, S. 18.

⁴⁾ Benger, S. 4.

не страдать тѣми недостатками, которые неизбѣжны въ католичествѣ. У протестантовъ пастырство изучается въ особой наукѣ, которая подъ разными названіями (напр. — ученіе о пастырствѣ, пастырская теорія, пименика) входитъ, какъ часть, въ такъ называемое Практическое богословіе. Среди церковныхъ дѣятельныхъ, подлежащихъ изученію Практическаго богословія, пастырству въ тѣсномъ смыслѣ слова соответствуетъ такъ называемое въ евангелической церкви «душепопеченіе» (Seelsorge). Отсюда, католическому и православному Пастырскому богословію въ протестантской наукѣ соответствуетъ «теорія душепопеченія». Правда, отношеніе послѣдней къ другимъ наукамъ Практическаго богословія различными учеными понимается и опредѣляется далеко не одинаково, а проф. Кремеръ такъ и рѣшительно противъ ограниченія содержанія Пастырскаго богословія однимъ только ученіемъ о душепопеченіи и, понимая нашу науку, какъ ученіе о существѣ и задачахъ духовнаго служенія вообще ¹⁾, считаетъ возможнымъ ея существованіе и внѣ состава Практическаго богословія ²⁾. Однако наличность этихъ различій не устраняетъ факта полнаго согласія въ томъ, что специально къ Пастырскому богословію относится совокупность пастырскихъ попеченій внѣ культа и катехезы. По мнѣнію Краусса, которое можетъ быть принимаемо въ данномъ отношеніи за вѣрное выраженіе протестантскаго пониманія, Пастырское богословіе или Пастырская теорія, какъ онъ называетъ его, хотя и должно отвѣчать извѣстнымъ практическимъ пѣлямъ, потому что *temporum et locorum ratio habenda sit*, однако не должно быть лишь руководствомъ къ такъ называемой пастырской мудрости. Пастырское богословіе должно показывать пастырю, гдѣ и въ какихъ границахъ пѣлесообразна пастырская мудрость, но не должно превращаться въ указаніе способовъ проявленія такой мудрости ³⁾. Пастырское богословіе должно содѣйствовать душепопечителю въ его дѣятельности, *исходя изъ принциповъ*. Такимъ образомъ, оно есть прежде всего *теорія*, именно—теорія искусства правильно проходить пастырскую должность. Оно имѣетъ въ виду научное установленіе того, что въ пастырствѣ должно быть признано въ ка-

¹⁾ Cremer. Pastoraltheologie, Stuttgart 1904, S. 1.

²⁾ Ibid. Vorrede.

³⁾ Krauss. Lehrbuch d. Prakt. Theologie, Freiburg 1890, B. II, S. 223.

чествъ максимъ. Но, трактуя объ имѣющихъ такой характеръ положеніяхъ, оно имѣетъ въ виду не философское ихъ значеніе, а практическую примѣнимость къ жизни ¹⁾, такъ что въ концѣ-концовъ Пастырское богословіе имѣетъ въ виду помочь пастырю направить на вѣрный путь наличную религіозную жизнь, предостеречь отъ нѣкоторыхъ ошибокъ, помочь начинающему дѣло пастырства ориентироваться въ разныхъ задачахъ предстоящей работы, научить обращаться съ полезными въ дѣлѣ средствами и т. д. ²⁾.

Справедливость требуетъ признать, что протестантская конструкція Пастырскаго богословія имѣетъ свои достоинства не только сравнительно съ католической, но и безотносительно. Прежде всего, здѣсь для нашей дисциплины дана строго отграниченная отъ смежныхъ наукъ область — душепопеченіе, т. е. обезпеченъ *raison d'être* ея, какъ особой науки. Затѣмъ, будучи, какъ собственно теорія, чужда всякой казуистики ³⁾, въ широкомъ смыслѣ такъ поставленное Пастырское богословіе не исключаетъ самыхъ специальныхъ трактатовъ по отдѣльнымъ вопросамъ пастырства, что и видимъ въ современной протестантской пасторалистической литературѣ.

Но нужно имѣть въ виду, что эти достоинства протестантской пастырской теоріи покупаются цѣною конфессіональных особенностей протестантской догматики съ ея отрицаніемъ власти іерархіи и пастырства, какъ особаго благодатнаго служенія, обладающаго особымъ авторитетомъ и іерархическими преимуществами, съ ея идеей всесвященства.

Обращаясь, далѣе, къ изображенію состоянія Пастырскаго богословія въ нашемъ отечествѣ, мы должны констатировать чрезвычайно малую его разработанность, граничащую почти съ полною невозможностью указать тѣ этапы или поворотные пункты, чрезъ которые проходила наша наука въ своемъ поступательномъ шествіи впередъ и которые свидѣтельствовали бы объ этомъ шествіи. Очень скудная пасторалистическая литература вплоть до журнальныхъ статей можетъ быть указана вся наперечеть.

Такое печальное состояніе нашей науки объясняется весьма многими причинами, самая отдаленная изъ которыхъ должны быть отнесены въ область особенностей нашего историческаго развитія вообще и условій духовнаго просвѣщенія въ частно-

¹⁾ Ibid. S. 224.

²⁾ Ibid. S. 219—220.

³⁾ Krauss, B. II, S. 223.

сти, ближайшія же и непосредственныя заключаются въ той неустойчивости и измѣнчивости, какими характеризуется положеніе нашей науки въ высшей духовной школѣ, и прежде всего въ лишеніи того, что является однимъ изъ главныхъ условій успѣшнаго развитія всякой науки—*самостоятельнаго* значенія ¹⁾, обстоятельствъ, обусловившемъ собою то печальное явленіе, что потребовалась почти половина минувшаго столѣтія для того, чтобы у насъ явилась первая научная система по этому предмету.

Въ теченіе же всей первой половины XIX в. наше Пастырское богословіе не имѣло своей особой, такъ сказать, физономіи сравнительно съ католичествомъ и протестантствомъ и примыкало то ко второму, то къ первому, что явствуетъ: первое—изъ преобладающаго въ этотъ періодъ значенія системы Теофилакта Горскаго, являющейся, какъ извѣстно, не только подражаніемъ, но и прямо позаимствованіемъ изъ протестантской системы Буддея «*Institutiones theologiae digmaticae et moralis*», а второе—изъ того почетнаго положенія, какимъ пользовалась здѣсь система Гивтшица, типичное католическое руководство съ обычнымъ тамъ подробнымъ исчисленіемъ всевозможныхъ случаевъ пастырской практики.

Что же касается пользовавшейся въ то время вполне заслуженнымъ уваженіемъ и авторитетомъ по истинѣ классической въ своемъ родѣ «*Книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ*», то она дѣйствительно составляетъ отрадное явленіе въ печальномъ начальномъ періодѣ исторіи нашей науки. Но она, будучи по своему содержанію лишь сборникомъ правилъ, наставленій и разсужденій, полезныхъ въ жизни и дѣятельности приходскаго священника во всѣхъ главныхъ ея проявленіяхъ, не можетъ быть названа научной пасторологической системой въ собственномъ смыслѣ. Да и авторы ея ²⁾

¹⁾ По уставу Академій 1808 года Пастырское богословіе вначалѣ было присоединено къ Нравственному богословію и составляло, такимъ образомъ, одинъ изъ отдѣловъ его, а въ послѣдующее время ставилось въ связь то съ догматикой, то съ литургикой, то даже съ обличительнымъ богословіемъ. По уставу 1869 года преподаваніе Пастырскаго богословія соединялось съ гомилетикой, а по уставу 1884 г.—съ педагогикой; наконецъ, по дѣйствующему уставу Академій съ нимъ соединяется преподаваніе гомилетики. Такимъ образомъ, положеніе Пастырскаго богословія, какъ учебнаго предмета въ духовной школѣ, особенно вначалѣ, было далеко не почетное.

²⁾ Архіеи. Георгій Конисскій и Пареній Сопковскій.

отнюдь не задавались цѣлью создать такую систему, а преслѣдовали при составленіи узко-ограниченную цѣль—дать лишь «руководство священнослужителямъ, которые *въ наукахъ не упражнялись*».

Словомъ, въ теченіе всей первой половины XIX в. наше Пастырское богословіе стояло на той ступени своего развитія, на которой находимъ мы его на западѣ, преимущественно у католиковъ, въ концѣ XVIII в., когда эта наука понималась въ смыслѣ сборника основанныхъ на разумѣ, опытѣ, отчасти святоотеческихъ творенійхъ и т. д. увѣщаній, наставленій и практически пригодныхъ рецептовъ для совершеннѣйшаго въ извѣстномъ отношеніи прохожденія пастырскаго служенія и, въ частности, для восполненія недостатка практическихъ знацій и навыка у молодыхъ священнослужителей ¹⁾.

Не далеко подвинулось вперёдъ наше Пастырское богословіе и съ появленіемъ въ половинѣ XIX в. первыхъ опытовъ уже научной систематики въ видѣ трудовъ архим. Антонія (Амфитеатрова) ²⁾ и Кирилла (Наумова) ³⁾, потому что первый изъ нихъ, стоя на точкѣ зрѣнія «Книги о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ», т. е. понимая задачу Пастырскаго богословія въ смыслѣ созданія полезнаго въ практикѣ священническаго служенія руководства, не успѣлъ еще провести твердую границу и вокругъ этого матеріала, какъ единственно ему лишь специально принадлежащаго, и вторгается въ чужія области, напр. нравственнаго богословія и церковнаго права, привнося въ свой составъ лишній матеріалъ. а во второмъ лишь еще ящѣе представленъ тотъ типъ Пастырскаго богословія, какъ науки, когда оно является лишь систематическимъ изложеніемъ требованій и наставленій, необходимыхъ для пастыря при вступленіи и прохожденіи своего служенія въ качествѣ священнослужителя, учителя и духовнаго руководителя пасомыхъ, или тѣмъ, что можно назвать сословной этикой.

Такимъ образомъ, даже ко второй половинѣ XIX в. со-

¹⁾ При этомъ весь такой матеріалъ обычно раздѣлялся на многочисленные отдѣлы и подотдѣлы, такъ что, какъ говоритъ Бенгеръ, „римскія и арабскія цифры, греческій и латинскій алфавиты оказывались недостаточными для обозначенія послѣднихъ“ (Benger, Pastoraltheologie, B. I, S. 18).

²⁾ Архим. Антоній. Пастырское богословіе. Кіевъ. 1851.

³⁾ Архим. Кириллъ. Пастырское богословіе. СПб. 1853.

стояніе нашего Пастырскаго богословія было таково, что два изъ указанныхъ нами основныхъ положеній сохранили по отношенію къ нему во всей силѣ свой дезидеративный характеръ.

Только уже къ концу этого столѣтія наша наука получила болѣе удовлетворительную постановку въ трудахъ покойнаго профессора Кіевской Духовной Академіи В. Θ. Пѣвницкаго ¹⁾).

Пастырское богословіе у Пѣвницкаго имѣеть въ виду главнымъ образомъ т. н. душенопечительную дѣятельность священника—съ одной стороны, и т. н. діаконическое служеніе—съ другой ²⁾). Въ силу этого оно здѣсь ограничивается въ своемъ содержаніи, съ одной стороны, трактаціей о нравственно-воспитательной дѣятельности, какъ такой, которая одна только и дѣлаеть священника отцомъ—пастыремъ своей приходской общины, а съ другой—разсужденіемъ о случаяхъ общественной дѣятельности пастыря, напр. въ видѣ устройства разнаго рода союзовъ, направленныхъ къ борьбѣ со зломъ въ томъ или иномъ видѣ, и т. п., и лишь въ видѣ вводныхъ и предварительныхъ отдѣловъ включаетъ въ себя трактаты о пастырскомъ служеніи вообще и о приготовленіи къ нему.

Несомнѣнно, Пастырское богословіе въ трудахъ Пѣвницкаго значительно подвинулось впередъ въ своемъ православно-научномъ развитіи, съ одной стороны утративъ изъ своего содержанія то, что являлось лишь излишнимъ балластомъ въ видѣ позаимствованій изъ другихъ наукъ въ прежнихъ системахъ, съ другой—получивъ видъ цѣльной, законченной системы, которая, въ-третьихъ, отъ начала до конца проникнута строго православнымъ духомъ, и наконецъ,—получивъ полноту непосредственно практическаго значенія.

Однако, то обстоятельство, что включеніе въ систему Пастырскаго богословія діаконическаго служенія священника

¹⁾ 1. Священникъ. Приготовленіе къ священству и жизнь священника. Кіевъ. 1885. 2. Служеніе священника въ качествѣ духовнаго руководителя прихожанъ. Кіевъ. 1891. 3. Священство. Основные пункты въ ученіи о пастырскомъ служеніи. Кіевъ. 1892.

²⁾ Діаконическое служеніе, какъ извѣстно, у протестантовъ составляетъ предметъ особой науки Практическаго богословія—діаконики, стоящей на ряду съ катехетикой, гомилетикой, литургикой, пастырской теоріей и кибернетики, имѣя своимъ предметомъ общественную дѣятельность пастыря. (См. напр. Otto Zöckler. Handbuch der theologischen Wissenschaften in encyclopädischer Darstellung, B. IV, SS. 450—529.

сдѣлано съ такой настойчивостью и въ такихъ размѣрахъ, что въ этомъ отношеніи были оставлены далеко позади даже англійскіе пасторалисты, стоявшіе именно на этой точкѣ зрѣнія, составило собою слабую сторону такой конструкціи. Во-первыхъ, діаконическое служеніе священника, съ его по преимуществу общественнымъ характеромъ, имѣеть третье-степенное значеніе въ истинно-пастырскомъ служеніи и потому ему съ трудомъ можетъ быть отведено особое мѣсто въ Пастырскомъ богословіи. Во-вторыхъ, благодаря этому, остаются въ тѣни такіе отдѣлы, которые по своему значенію не заслуживаютъ этого, о чемъ рѣчь будетъ нѣсколько далѣе, и въ-третьихъ, въ такомъ видѣ Пастырское богословіе легко можетъ, съ одной стороны, превратиться просто въ собраніе разнаго рода совѣтовъ и указаній или въ руководство къ т. п. пастырской мудрости, неудовлетворительность котораго можно наблюдать на примѣрѣ католической концепціи, а съ другой—получить тотъ строго дидактическій характеръ, съ которымъ является протестантская пастырская теорія и который не виолнѣ гармонируетъ со строго православнымъ пониманіемъ сущности пастырскаго служенія.

Такимъ образомъ, и здѣсь наше Пастырское богословіе лишь приблизилось къ удовлетворенію трехъ основныхъ требованій, но не успѣло выполнить ихъ въ совершенствѣ.

Но конецъ того же ХІХ столѣтія далъ намъ и еще одну попытку реализаціи общаго стремленія къ научному построенію Пастырскаго богословія, попытку совершенно особаго рода. Рѣчь идетъ о трудахъ профессора СПб. Духовной Академіи прот. С. А. Соллертинскаго ¹⁾, направленныхъ къ *библейскому* построенію нашей науки, когда въ качествѣ основного и первичнаго содержанія и единственнаго основанія ея берется пастырство Христа Спасителя, когда Пастырское богословіе составляетъ себѣ цѣлью прежде всего опереться на Священное Писаніе, изучить и понять его пастырски, но не съ узко-утилитарной цѣлью представленія въ пастырствѣ Христа Спасителя примѣра для подражанія, а экзегетически, толковательно. Въ этомъ случаѣ, говоритъ профессоръ, Пастырское богословіе изъ области прикладнаго знанія, исключительно въ которой оно вращалось и вращается, переходитъ въ теоретиче-

¹⁾ Соллертинскій С. А. Пастырство Христа Спасителя. Часть основоположительная. СПб. 1889.

скую, становясь теоретическимъ ученіемъ о новозавѣтномъ пастырствѣ, чуждымъ узко-утилитарныхъ цѣлей помоганія въ пастырской практикѣ, и будетъ дѣйствительно наукой, имѣющей несомнѣнное право на самостоятельное мѣсто въ ряду прочихъ богословскихъ наукъ.

Конечно, такая конструкція нашей науки имѣетъ свои несомнѣнныя положительныя стороны, такъ-какъ, во-первыхъ, пастырство Христа Спасителя и библейскихъ и другихъ историческихъ пастырей несомнѣнно должно входить въ составъ Пастырскаго богословія даже въ качествѣ основоположительной части его и, во-вторыхъ, такимъ путемъ наша наука получаетъ особый предметъ своего изслѣдованія, удовлетворяя такимъ образомъ съ формальной стороны одному изъ основныхъ требованій отъ науки вообще.

Но эти положительныя качества не покрываютъ собою отрицательныхъ, главное изъ которыхъ заключается въ *мотивации* библейскаго построенія Пастырскаго богословія, т. е. какъ-разъ въ томъ, въ чемъ разсматриваемое мнѣніе видитъ главное преимущество этой конструкціи, именно—въ *теоретизированіи* нашей науки, доходящемъ до такой степени, что самая наука оказывается оторванною отъ жизни и вмѣсто живой дѣйствительности даетъ лишь абстракцію, хотя бы и въ видѣ системы истинныхъ понятій и цѣлей для дѣятельности. Между тѣмъ Пастырское богословіе должно быть по самому существу своему *прикладною* наукою, т. е. имѣть въ виду практическія цѣли, и научные интересы (въ этомъ случаѣ Бенгеръ правъ) ¹⁾ не должны идти въ разрѣзъ съ практическими, тѣмъ болѣе, что престижъ науки отнюдь не падаетъ отъ того, что она вращается въ области прикладнаго знанія, а не экзегетическаго.

Такимъ образомъ, и эту попытку мы должны признать не достигшею своей цѣли.

Но что же получается?—Католическая конструкція совершенно неудовлетворительна. Протестантская дѣйствительно лучше, но тутъ выступаетъ на сцену обстоятельство, одинаково важное для сужденія какъ о протестантской, такъ и католической конструкціяхъ нашей науки: какъ та, такъ и другая неотдѣлимы отъ конфессіональныхъ особенностей въ ученіи о Церкви и священствѣ и являются всецѣло продуктомъ ихъ. Но каждое изъ этихъ исповѣданій въ своемъ догматиче-

¹⁾ См. выше.

скомъ ученіи объ указанныхъ пунктахъ представляетъ свою крайность: въ противоположность католическому, такъ сказать, материализированному представленію Церкви, по которому исторически сложившаяся папская церковь принимается за видимое и совершенное осуществленіе царства Божія на землѣ, а іерархія этой церкви, одна лишь имѣя полномочія совершать таинства, усвоеніе которыхъ составляетъ *conditio sine qua non* спасенія, является распорядительницей факторовъ послѣдняго, такъ что *extra pastorem nulla salus*, и отсюда—выдвиженіе на первый планъ внѣшности—съ одной стороны и ненормально-выпуклое положеніе іерархіи—съ другой,—въ противоположность этому въ протестанствѣ мы видимъ, какъ реакцію на католическую односторонность, излишнее стремленіе понять и опредѣлить Церковь отвлеченно, а вслѣдъ за этимъ: отрицаніе власти іерархіи и пастырства, какъ особаго благодатнаго служенія, обладающаго особымъ авторитетомъ и іерархическими преимуществами, выраженіе идеи всесвященства.

Но разъ указанныя конструкціи нашей науки въ этихъ исповѣданіяхъ составляютъ продуктъ этихъ особенностей, то ясное дѣло, что уже въ силу именно этого, помимо всего прочаго, ни та, ни другая не можетъ быть непосредственно полезна для православнаго Пастырскаго богословія въ дѣлѣ его научнаго самоопредѣленія, потому что православному ученію о Церкви и священствѣ, на которомъ собственно и должна основываться наука о пастырствѣ, одинаково чужды какъ протестантская идея всесвященства, такъ и католическая ритуально-клерикальная тенденція.

Но такъ какъ, съ другой стороны, и современное состояніе нашей православной пасторологіи таково, что полное удовлетвореніе предъявляемымъ къ Пастырскому богословію основнымъ требованіямъ есть лишь *desideratum*, то выводъ изъ всего этого очевидно тотъ, что православное Пастырское богословіе должно или отказаться отъ возможности признанія въ достоинствѣ самостоятельной православной богословской дисциплины, или вступить на иной сравнительно съ бывшимъ до сихъ поръ путь. Первое должно быть отброшено не столько потому, что оно равносильно признанію безнадёжности, сколько потому, что открывается полнѣйшая возможность второго путемъ привлеченія на помощь того, что называютъ «пастырской аскетикой», въ видѣ установленія такого или иного отношенія

послѣдней къ содержанію Пастырскаго богословія. Этотъ именно путь православно-научнаго самоопредѣленія Пастырскаго богословія долженъ быть признанъ не только единственно возможнымъ, но и наиболѣе правильнымъ.

То обстоятельство, что этотъ вопросъ, имѣя недавнее происхожденіе, до самаго послѣдняго времени сравнительно мало привлекалъ къ себѣ вниманія со стороны православныхъ пасторалистовъ, обусловливаетъ необходимость не только доказательства возможности такого построенія нашей науки и уясненія частныхъ нунктовъ его, но даже опредѣленія самаго названія «пастырской аскетики и подтвержденія возможности существованія ея рядомъ съ общей аскетикой.

Дѣло въ томъ, что названіе «пастырская аскетика» является не совсѣмъ точнымъ, такъ какъ обозначаемое имъ содержаніе нѣсколько не соотвѣтствуетъ тому, что предполагается перенесеніемъ понятія общей аскетики въ область пастырскаго служенія. Общая аскетика, какъ извѣстно, занимается изученіемъ законовъ развитія и роста христіанской жизни въ личности спасающагося. Христіанское подвижничество или христіанскій аскетизмъ, какъ путь духовнаго совершенствованія, осуществляется по извѣстному плану, путемъ двусторонняго процесса духовной смерти и воскресенія, путемъ борьбы со страстями, вообще правильнымъ, закономѣрнымъ путемъ. Изученіемъ этого пути и занимается наука, называемая «Аскетикой».

Отсюда, разсуждая логично, «пастырской аскетикой» должно было бы назвать трактацию о *законахъ пастырскаго совершенствованія*, если бы таковыя были. Между тѣмъ этимъ названіемъ обозначаютъ трактацию о *пастырскомъ настроеніи*, какъ самосознаніи *sui generis*. Пастырство налагаетъ на своего служителя такія обязанности, совершенное исполненіе которыхъ невозможно безъ особеннаго охватывающаго все существо человѣка и проникающаго его самосознанія или настроенія. «Пастырская аскетика» и будетъ заключаться въ показаніи самаго зарожденія этого пастырскаго духа, его дальнѣйшаго развитія и, наконецъ, проявленія въ дѣятельности ¹⁾.

Правда, признаніе наличности такого настроенія, какъ самосознанія *sui generis*, далеко не всеобще и напр. проф. Пѣвницкій совершенно отказался отъ опредѣленія пастырскаго

¹⁾ Архіеп. Антоній (Храповицкій). Полное собраніе сочиненій. СПб. 1911, т. II, стр. 337.

настроепія, признавъ, что пастырь въ этомъ отношеніи ни чѣмъ не отличается отъ прочихъ христіанъ. Однако съ этимъ совершенно нельзя согласиться, потому что признапіе необходимости въ пастырскомъ служеніи особаго пастырскаго настроепія или духа вытекаетъ изъ православнаго, согласнаго со Словомъ Божиимъ и святоотеческими твореніями, опредѣленія сущности пастырскаго служенія ¹⁾

Пастырское служеніе есть служеніе возрожденію душъ, совершаемому Божественною благодатью, служеніе, для прохожденія котораго пастырь получаетъ въ таинствѣ священства даръ, внутренно его перерождающій, благодатную сострадательную любовь къ паствѣ, обусловливающую собой способность переживать въ себѣ скорбь борьбы и радость о правдивномъ совершенствованіи своихъ пасомыхъ, способность чревоболѣть о нихъ, по слову апостола ²⁾). Такое именно свойство пастырскаго духа, благодатная способность «усвоенія» ближнихъ, и дѣлаетъ пастыря подобнымъ Пастыреначальнику.

Пастырство въ своей конечной цѣли по отношенію къ пасомымъ есть руководство совѣстью. Но проникнуть въ совѣсть ближняго невозможно путемъ обычнаго изученія его характера: «Кто бо вѣсть яже въ челоуѣцѣ, точію духъ челоуѣка, живущій въ немъ». Нужно чувство глубокаго состраданія и самоотверженной любви, какъ для самаго пониманія внутренней жизни другого, такъ особенно для успѣшнаго воздѣйствія на нее. Это чувство выражается въ духовномъ отождествленіи себя съ другимъ и есть актъ внутренній, хотя и проявляется вовнѣ, въ дѣятельности ³⁾.

Въ этомъ пунктѣ—коренное и существенное различіе между православнымъ пониманіемъ пастырства, какъ благодатнаго служенія христіанско-воспитательному руководству къ возрожденію, и инославными—католическимъ и протестантскимъ, изъ коихъ въ первомъ преимуществуетъ сакраментальная сторона, а во второмъ—учительство.

Вотъ эта-то сущность пастырскаго служенія въ связи съ преимущественной высотой религіозно-правдивныхъ требованій отъ носителей его и исключительностью благодатнаго посредничества и создаютъ особенное пастырское самосознаніе

¹⁾ Архіеп. Антоній, стр. 231.

²⁾ Тамъ-же, стр. 232.

³⁾ Тамъ-же, стр. 336—337.

или настроеніе, а также и путь совершенствованія его, т. е. особую «пастырскую аскетику».

Такимъ образомъ, возможность и необходимость особой пастырской аскетики на ряду съ общей не подлежатъ сомнѣнію. Но какимъ же образомъ она можетъ быть полезна для Пастырскаго богословія въ смыслѣ достиженія имъ своихъ исконныхъ desiderat'a?

Этотъ вопросъ уже отчасти предрѣшается самымъ признаніемъ необходимости пастырской аскетики, потому что послѣдняя, будучи по существу своему трактацией о томъ, что составляетъ самое существо пастырскаго служенія, съ принудительною необходимостью входитъ въ содержаніе Пастырскаго богословія. Однако, дѣло не настолько ясно и опредѣленно, чтобы можно было ограничиться лишь простымъ констатированіемъ того, что повидимому цѣликомъ заключается въ самомъ понятіи сущности пастырскаго служенія. Дѣло въ томъ, что вопросъ о такомъ или иномъ значеніи пастырской аскетики въ системѣ Пастырскаго богословія, какъ мы уже упоминали, имѣетъ очень недавнее происхожденіе и потому самое рѣшеніе его представляется не совсѣмъ устойчивымъ, а практическое осуществленіе въ той или иной мѣрѣ положительнаго рѣшенія этого вопроса и совершенно почти отсутствуетъ, представляясь лишь дѣломъ будущихъ работъ въ области Пастырскаго богословія. Въ настоящее же время есть лишь нѣкоторыя частичныя работы въ этомъ направленіи, представляющія собою собственно подготовительный матеріалъ. Здѣсь прежде всего должны быть указаны *«Лекціи и статьи по Пастырскому богословію»* Высокопреосвященнаго Антонія Волынскаго ¹⁾ и отчасти *«Изъ чтеній по Пастырскому богословію (Аскетика)»* ректора Московской духовной Академіи еп. Θεодора ²⁾. Въ данномъ случаѣ намъ приходится отпираться отъ взгляда на этотъ предметъ Высокопреосвященнаго Антонія, которому собственно и принадлежитъ не только мысль о такой именно постаповѣ Пастырскаго богословія, но и попытка практически осуществить это ³⁾.

¹⁾ Полное собраніе сочиненій. СПБ. 1911, т. II.

²⁾ Изд. въ качествѣ записокъ студентовъ.

³⁾ Къ величайшему и искреннѣйшему сожалѣнію, изъ лекцій Архіеп. Антонія по Пастырскому богословію въ „Собраніи сочиненій“ напечатаны только семь. Что же касается лекцій еп. Θεодора, то въ нихъ рѣчь идетъ собственно объ общей аскетикѣ.

Если бы мы на основаніи этого захотѣли точно формулировать положеніе объ отношеніи пастырской аскетике къ системѣ Пастырскаго богословія, то встрѣтили бы на этомъ пути довольно значительныя затрудненія въ томъ обстоятельствѣ, что въ указанныхъ печатныхъ трудахъ не только не дается такой формулировки, но даже самое это отношеніе опредѣляется различно въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, въ одномъ случаѣ пастырская аскетика считается лишь *отдѣломъ* Пастырскаго богословія («главная часть»), при чемъ выражается сожалѣніе, что этотъ отдѣлъ совершенно опущенъ въ современныхъ курсахъ по этому предмету ¹⁾. Въ другомъ случаѣ это отношеніе представляется нѣсколько иначе, именно: благодатный даръ сострадательной любви къ паствѣ, составляющій основное свойство пастырскаго духа и выражающій самую сущность пастырскаго служенія, является вмѣстѣ съ тѣмъ *главнымъ предметомъ* изученія въ наукѣ Пастырскаго богословія ²⁾. Въ третьемъ случаѣ говорится, что аскетика вообще должна войти въ Пастырское богословіе въ качествѣ спеціальнаго его содержанія ³⁾. Наконецъ, еще иначе представляется положеніе пастырской аскетике въ курсѣ Пастырскаго богословія въ слѣдующихъ словахъ: «Задача Пастырскаго богословія, какъ науки, состоитъ въ томъ, чтобы преподавать *теорію пастырскаго аскетизма*, т. е. средства направленія внутренней жизни къ созиданію въ себѣ пастырскихъ чувствъ къ людямъ» ⁴⁾. Встрѣчаются и еще нѣкоторыя варіаціи въ опредѣленіи этого предмета, но такъ какъ онѣ болѣе или менѣе близко примыкаютъ къ какому-либо изъ приведенныхъ положеній, то мы ихъ и не указываемъ. Да и тѣ положенія, очевидно, легко могутъ быть соединены въ два собственно основныя положенія, изъ коихъ одно понимаетъ пастырскую аскетику, какъ лишь часть или отдѣлъ (хотя бы и основной) Пастырскаго богословія, а другое видитъ въ ней самое Пастырское богословіе, т. е. отождествляетъ послѣднее съ пастырской аскетикой или, точнѣе, сущность и задачи Пастырскаго богословія, какъ науки, видитъ въ пастырской аскетикѣ.

Такимъ образомъ, наша задача теперь сводится къ рѣшенію вопроса, только ли въ такомъ смыслѣ должно быть по-

¹⁾ Архіеп. Антоній, стр. 258 и 337.

²⁾ Тамъ же, стр. 232.

³⁾ Изъ чтеній по Паст. богословію, стр. 41.

⁴⁾ Архіеп. Антоній, стр. 270.

нимаемо значеніе пастырской аскетики въ системѣ Пастырскаго богословія или возможно и иное и въ этомъ случаѣ—какое, а если не возможно, то какое изъ указанныхъ положеній должно быть признано наиболѣе вѣрнымъ?

Для полноты данныхъ для рѣшенія этого вопроса нужно замѣтить, что первый изъ указанныхъ пасторалистовъ по всей видимости смотритъ на дѣло именно такъ, какъ это выражается въ послѣднемъ изъ приведенныхъ положеній. Подтвержденій для этого можно было бы привести массу, такъ какъ отрывочныя замѣчанія въ этомъ направленіи весьма обильно разсыпаны повсюду. Но здѣсь достаточно будетъ указать лишь на тотъ основной мотивъ, который неизмѣнно и настойчиво остается во всѣхъ разсужденіяхъ его о сущности и задачахъ пастырскаго служенія и который предполагаетъ именно такое, а не иное рѣшеніе этого вопроса.

Итакъ, прежде всего, должна ли быть пастырская аскетика лишь отдѣломъ Пастырскаго богословія, хотя бы и основнымъ, или самое Пастырское богословіе должно, такъ сказать, превратиться въ пастырскую аскетику?

Первое по видимому вполне осуществимо и при этомъ тѣмъ удобно, что, не ведя за собою коренныхъ измѣненій въ содержаніи нашей науки, вносить въ нее въ качествѣ доминирующаго надъ всѣми прочими такой элементъ, который вполне отвѣчаетъ какъ требованіямъ научной богословской спекуляціи, такъ и практическимъ цѣлямъ Пастырскаго богословія, какъ науки прикладной.

Однако эта видимая удобоисполнимость включенія пастырской аскетики въ содержаніе Пастырскаго богословія въ качествѣ отдѣла его оказывается призракомъ, если только вникнемъ въ суть дѣла. Прежде всего, такое включеніе пастырской аскетики является лишь палліативомъ въ устраненіи тѣхъ обвиненій, которыя предъявляются Пастырскому богословію, потому что содержаніе и тонъ его въ цѣломъ остаются тѣ же самые, внесенный же существенно новый элементъ можетъ даже оказаться оторваннымъ отъ живой связи съ прочими частями. Затѣмъ, и самое это включеніе не можетъ быть осуществлено просто потому, что пастырская аскетика не есть нѣчто такое, что можетъ быть представлено въ видѣ законченнаго отдѣла Пастырскаго богословія. Она, какъ мы видѣли, обнимаетъ всѣ стороны пастырскаго служенія, освѣщая его со своей особой точкой зрѣнія, такъ что въ случаѣ

такого включенія оказалось бы, что отдѣлъ обнималъ бы собою все пастырское служеніе, разсматривая его съ его существенной стороны, при чемъ прочіе отдѣлы оказались бы лишь дополненіемъ къ нему. Но въ этомъ случаѣ, очевидно, этотъ способъ настолько близко примыкаетъ ко второму, что граница между ними оказывается совершенно незамѣтной.

Это уже отчасти показываетъ, что второе указанное нами возможное рѣшеніе нашего вопроса имѣетъ несомнѣнно больше основаній въ существѣ дѣла, чѣмъ первое. Такая постановка Пастырскаго богословія, когда оно будетъ представлять собою «теорію пастырскаго аскетизма» несомнѣнно имѣетъ весьма много данныхъ въ свою пользу.

Прежде всего, съ виѣшней формальной стороны наша наука такимъ путемъ получаетъ себѣ опредѣленную, строго ограниченную отъ другихъ областей, свой особый предметъ изслѣдованія, именно — пастырское самосознаніе, пастырскую настроенность, — чѣмъ обезпечивается *raison d'être* ея, а также и сообщается единство и цѣлостность.

Но гораздо важнѣе другая сторона, именно та строгая православность, съ характеромъ которой должно явиться Пастырское богословіе въ этомъ построеніи. Голосъ св. отцовъ есть голосъ православія. Между тѣмъ пастырская аскетика и есть именно то, что особенно ясно выдѣляется въ пасторологическихъ трудахъ св. отцовъ. Если мы возьмемъ пасторологическіе трактаты св. Григорія Богослова, св. Іоанна Лѣствичника, Симеона Новаго Богослова, Григорія Двоеслова, блаж. Іеронима, также русскихъ святителей — Дмитрія Ростовскаго, Тихона Задонскаго, то ясно увидимъ выдвигаемый ими на видное мѣсто аскетическій принципъ пастырства. Вездѣ у нихъ на первый планъ выступаютъ не столько тѣ или иныя общія предписанія объ обязанностяхъ и указаніе свойствъ, сколько тѣ или иныя переживанія пастыря, его настроеніе, вытекающее изъ цѣльной живой личности, спеціально пастырская духовная жизнь или, говоря короче, пастырская аскетика.

Если бы мы отсюда обратились за примѣромъ въ область пастырской дѣятельности въ средѣ нашего православнаго русскаго народа, то и здѣсь нашли бы подтвержденіе тому, что въ пастырствѣ — первое дѣло истинно-пастырская настроенность. Мы видимъ, что дѣйственность нашихъ лучшихъ пастырей обусловливается тремя началами: 1) знаніемъ Боже.

ственного ученія и ученій церковныхъ со стороны содержащагося въ нихъ духовнаго врачевства; 2) знаніемъ челоуѣка въ его борьбѣ со зломъ, и 3) способностью къ сострадательной любви ¹⁾). Проявленіе этихъ трехъ началъ и создаютъ тотъ типъ пастыря руководителя совѣсти, знатока и паставителя сердца, предъ которымъ особенно благоговѣтъ русскій народъ, пастыря, обладающаго совершеннымъ пастырскимъ характеромъ, т. е. постояннымъ, неизмѣннымъ расположеніемъ духа, которое приобрѣтается длиннымъ, постепеннымъ процессомъ развитія и усовершенствованія, какъ плодъ непрерывныхъ упражненій мысли и воли въ должномъ направленіи.

Въ виду этого, должно признать, что для православнаго пастыря не только полезна, но и прямо необходима пастырская аскетика, и Пастырское богословіе, ставъ ею, во-первыхъ, очевидно, пойдетъ навстрѣчу дѣйствительнымъ потребностямъ русской религіозной жизни, во-вторыхъ, получить строго православный характеръ и, наконецъ, съ формальной стороны будетъ вполнѣ удовлетворять требованіямъ, предъявляемымъ къ наукѣ вообще.

Такимъ образомъ, тѣ три основныя требованія—научности, практичности и православности,—которыя или всѣ цѣликомъ или по частямъ оставались неудовлетворенными въ той постановкѣ, которую Пастырское богословіе имѣло до сихъ поръ, оказываются удобоисполнимыми въ построеніи нашей науки въ видѣ «теоріи пастырскаго аскетизма».

Но то обстоятельство, что такое построение можетъ оказаться совершенно категорическимъ по отношенію къ тому матеріалу, который по нижеслѣдующимъ основаніямъ *долженъ быть* трактуемъ въ Пастырскомъ богословіи, заставляетъ признать эту конструкцію все же пѣсколько одностороннею и видоизмѣнить въ томъ смыслѣ, что весь тотъ матеріалъ, который *долженъ имѣть мѣсто* въ системѣ Пастырскаго богословія согласно указаннымъ требованіямъ, нужно трактовать *съ точки зрѣнія* пастырской аскетики, т. е. со стороны значенія его для пастырской настроенности какъ въ смыслѣ зарожденія ея и дальнѣйшаго развитія, такъ и проявленія въ дѣятельности.

Имѣются трехъ родовъ основанія для такого видоизмѣненія указанной постановки.

¹⁾ Архіеп. Антоній, стр. 257.

Во-первыхъ, въ содержаніе Пастырскаго богословія съ принудительною необходимостью входитъ въ качествѣ даже основоположительной части его, обязанной между прочимъ рѣшить и неизбѣжные для Пастырскаго богословія, особенно въ виду современныхъ настойчивыхъ указаній на необходимость коренной реорганизаціи пастырскаго дѣла, вопросы о вѣчномъ и условномъ въ пастырскомъ служеніи. — принудительно входитъ пастырство Христа Спасителя, — какъ безпримѣрный и основополагающій моментъ въ исторіи христіанскаго пастырства вообще и примѣръ для всѣхъ пастырей на всѣ времена. Вслѣдъ за пастырствомъ Христовымъ съ тою же необходимостью идетъ, примыкая къ нему, пастырское ученіе и дѣянія апостоловъ, а потомъ и пастырство отцовъ и учителей Церкви. Наконецъ, православная Церковь, живя и развиваясь среди народа русскаго, отъ самаго начала вела и ведетъ великое дѣло пастырства, по необходимости примѣняясь къ потребностямъ народа въ различныя эпохи исторической жизни его, на что указываетъ длиннѣйшій рядъ памятниковъ, идущихъ отъ временъ древнѣйшихъ и до нашего.

Несомнѣнно все это должно получить себѣ мѣсто въ системѣ Пастырскаго богословія. Но какимъ образомъ дать всему этому матеріалу спеціально-пасторологическую, такъ сказать, физиономію, такъ чтобы не оставалось никакого сомнѣнія въ спеціальной принадлежности его именно Пастырскому богословію, а не другимъ какимъ-либо наукамъ, напр. экзегетикѣ, церковной исторіи, патрологіи и т. д.? Очевидно, только въ томъ случаѣ, когда мы будемъ трактовать его не само по себѣ, не экзегетически, а такъ, чтобы отсюда могли получиться послышки и для чисто практическихъ выводовъ. А это возможно лишь въ томъ случаѣ, когда на первомъ планѣ будетъ стоять пастырское настроеніе, пастырская психологія, какъ они, судя по изучаемому матеріалу, проявлялись въ дѣятельности библейскихъ и историческихъ пастырей, т. е. если мы будемъ разсматривать его съ точки зрѣнія пастырской аскетики. Это — первое.

Второе основаніе апеллируетъ уже спеціально къ тому положенію, что Пастырское богословіе отнюдь не должно вставать на несвойственный ему путь абстракціи. Между тѣмъ строгое проведеніе идеи тождества его съ «пастырской аскетикой», путемъ превращенія въ «теорію пастырскаго аскетизма» можетъ оказаться опаснымъ именно въ этомъ отношеніи. Пастыр-

ское богословіе, какъ «теорія пастырскаго аскетизма», не въ состояніи будетъ включить въ свое содержаніе отдѣлъ о т. н. «спеціальному душепопеченіи», т. е. пастырскомъ попеченіи объ отдѣльныхъ лицахъ, состояніяхъ, случаяхъ и т. д. ¹⁾, отдѣлъ, совершенная необходимость котораго въ системѣ Пастырскаго богословія не можетъ подлежать сомнѣнію. Пастырю приходится имѣть дѣло не съ отвлеченнымъ метафизическимъ человѣкомъ, но съ живымъ существомъ, имѣющимъ свои личныя особенности, свои нужды и недостатки; не съ человѣкомъ вообще, но напр. съ такимъ-то крестьяниномъ своего прихода, суевѣрнымъ или просто безвѣрнымъ, трудолюбивымъ или лѣнливымъ, съ фабричнымъ рабочимъ, который м. б., будучи религіознымъ и трудолюбивымъ, имѣетъ слабость пропивать свой заработокъ и тѣмъ обрекать свою семью на нужды и лишенія, и т. д. Условія нашей русской жизни таковы, что напр. сельскій священникъ въ своемъ приходѣ является почти всегда единственно интеллигентнымъ лицомъ. Къ нему, въ виду этого, естественно обращаются за разрѣ-

¹⁾ Этотъ отдѣлъ Пастырскаго богословія, какъ извѣстно, усиленно разрабатывается на Западѣ, особенно у протестантовъ. Такъ, у Oosterzee's (*Praktische Theologie*, Heilbronn, 1878—79), вслѣдъ за общей пименикой идетъ пименика индивидуальная, указывающая, какъ дѣйствовать пастырю по отношенію къ лицамъ разныхъ состояній. У Ахелиса (*Achelis. Praktische Theologie*, Freiburg, 1890) также различаются *cura generalis* и *cura specialis*, причѣмъ въ содержаніе отдѣла, имѣющаго своимъ предметомъ „*cura specialis*“, входитъ душепопеченіе параклетическое, педегитическое и дидактическое, т. е. посѣщеніе больныхъ, утѣшеніе печальныхъ, наставленіе заблудшихъ и т. д. У Пальмера (*Palmer. Evangelische Pastoraltheologie*, Stuttgart, 1860) большая половина книги посвящена разсмотрѣнію спеціальной дѣятельности пастыря, и нѣкоторые отдѣлы, по просьбѣ автора, написаны людьми, знакомыми по опыту съ тѣмъ или другимъ видомъ пастырской попечительности, напр. отдѣлъ о пастырскомъ попеченіи въ отношеніи къ заключеннымъ написанъ священникомъ, служившимъ въ теченіе долгаго времени въ одной изъ тюремъ, о попеченіи въ отношеніи къ солдатамъ—полковымъ священникомъ и т. д. То же самое видимъ и у Гефнера (*Höffner. Evangelische Pastoraltheologie in Beispielen*. Stuttgart, 1907). По мнѣнію Oosterzee's (§ 64), Пастырское богословіе далеко не выполняетъ своей задачи или выполняетъ ее только на половину, когда изображаетъ заботливость пастыря о приходѣ вообще, ибо пастырь обязанъ заботиться не о приходѣ вообще, а о каждомъ членѣ его въ частности.

Эта точка зрѣнія находитъ себѣ защитниковъ и въ средѣ нашихъ отечественныхъ посторалистовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ, какъ мы знаемъ уже, и проф. Пѣвницкій.

шеніемъ самыхъ разнообразныхъ вопросовъ. Долженъ ли онъ устраниваться отъ такого рода дѣятельности при сознаніи, что можно принести ея пользу своимъ пасомымъ, повліять на нихъ въ разумномъ устройствѣ ихъ жизни?—Едва ли можно отвѣчать на это отрицательно.

Пастырь, по характеру своей дѣятельности, принадлежитъ, не только Церкви, служеніе которой—ого главный долгъ, но и тому обществу и народу, среди котораго онъ живетъ и съ которымъ связанъ тѣсными племенными и государственными узами. Въ виду этого, на немъ лежитъ обязанность противостоять заблужденіямъ и содѣйствовать расширенію и углубленію основаній истинной христіанской цивилизаціи. Пастырь—человѣкъ міра и потому всякое удаленіе его отъ этого міра, отъ людей будетъ равносильно уклоненію отъ исполненія обязанностей своего служенія.

Что же касается согласуемости такого рода дѣятельности съ указаннымъ нами православнымъ пониманіемъ сущности пастырскаго служенія, то примѣръ о. Іоанна Кронштадтскаго, который, будучи всецѣло проникнутъ истинно-пастырскимъ духомъ, пастырскимъ настроеніемъ, былъ въ то же время напр. и основателемъ и организаторомъ домовъ трудолюбія,—совершенно устраняетъ всякую возможность сомнѣнія въ этомъ. Необходимо лишь, чтобы въ такого рода дѣятельности пастырь выступалъ какъ носитель идей евангельскихъ, чуждый обыкновенно-житейскихъ пріемовъ, чтобы не было во всемъ этомъ исключительнаго стремленія къ установленію лишь внѣшнихъ порядковъ общежитія.

Если же все это такъ, то и Пастырское богословіе, очевидно, не должно игнорировать эту сторону пастырской дѣятельности; очевидно, и эта область должна найти свое разъясненіе, освѣщеніе и принципиальное опредѣленіе въ системѣ науки о пастырствѣ.

Но какъ это сдѣлать такимъ образомъ, чтобы трактатъ объ этомъ предметѣ не превратилъ этотъ обширный отдѣлъ нашей науки въ сборникъ рецептивныхъ предписаній, въ добавокъ съ рационалистическимъ отгѣнкомъ? Затрудненія на этотъ счетъ не встрѣтятся никакого, какъ только мы будемъ исходить изъ принципа пастырской аскетки, будемъ обсуждать и уяснять все съ точки зрѣнія послѣдней, потому что въ данномъ случаѣ предъ нами будетъ лишь одно изъ проявленій истинной пастырской настроенности, истиннаго пастырскаго

духа. А такъ какъ, затѣмъ, самое освѣщеніе этой стороны дѣятельности пастыря будетъ сдѣлано съ точки зрѣнія указаннаго выше православнаго пониманія сущности пастырскаго служенія, какъ служенія сострадательной любви и ревности о спасеніи ближнихъ, то здѣсь будетъ не протестантская теорія о специальномъ душепопеченіи съ ея по преимуществу учительнымъ характеромъ и не діаконика съ ея исключительно общественнымъ характеромъ, а православная пастырская педагогика. Въ этомъ случаѣ и тотъ характеръ дробности, съ которымъ неизбежно долженъ явиться этотъ отдѣлъ, естественно потеряетъ свою остроту и трактатъ объ этомъ предметѣ органически сольется въ одно цѣлое съ прочими частями нашей науки.

Наконецъ, *третье* основаніе, примыкая со своей существенной стороны къ первымъ двумъ, какъ признаніе необходимости принять обычную схему дѣленія всего содержанія нашей науки на двѣ основныхъ части соотвѣтственно двумъ сторонамъ пастырства: 1) дѣятеля—пастыря и 2) дѣятельности—пастырскаго служенія,—въ частности заключается въ томъ удобствѣ, какое представляетъ собою въ методологическомъ отношеніи признаніе пастырской аскетики въ качествѣ принципа пасторологическаго построенія, потому что въ этомъ случаѣ указанные основныя части со всѣми ихъ производными моментами (напр. о приготовленіи къ пастырству, о призваніи, о требованіяхъ отъ личности пастыря, частной жизни его, затѣмъ,—о молитвѣ, посредничествѣ, воспитательствѣ, руководителствѣ и т. д.) въ совершенствѣ объединяются одной основной идеей о пастырскомъ настроеніи, какъ основной сущности пастырскаго служенія, изъ нея вытекающая и къ ней, какъ къ цѣли, направляясь; такимъ образомъ, такой постановкой гораздо удобнѣе достигается и та цѣль, которая предносится Пастырскому богословію, какъ теоріи пастырскаго аскетизма.

Подводя итогъ всему сказанному, мы должны констатировать слѣдующее: 1) Пастырское богословіе до сихъ поръ по своей постановкѣ не вполне отвѣчало требованіямъ самостоятельной православной богословской дисциплины. 2) Путь къ удовлетворенію этихъ требованій дается намъ въ «пастырской аскетикѣ», 3) однако послѣдняя не можетъ быть понимаема ни какъ особый, хотя бы и главный, отдѣлъ Пастырскаго богословія, ни какъ исключительное содержаніе его. 4) «Пастырская аскетика» должна быть понимаема въ смыслѣ прин-

ципа пасторологического построения. Все содержание Пастырского богословия должно быть трактуемо съ точки зрѣнія пастырской аскетики, съ точки зрѣнія личности пастыря, пастырской психологіи, пастырской настроенности, какъ самосознанія *sui generis*, но разсматриваемыхъ не самихъ по себѣ, не по ихъ существу, не отвлеченно, а съ точки зрѣнія воздѣйствія на насомыхъ, съ точки зрѣнія христіанскаго воспитанія ихъ. Въ этомъ случаѣ Пастырское богословіе будетъ являть собою христіанскую пастырскую педагогику, съ формальной стороны самостоятельную правослудную богословскую дисциплину, вѣрно и возможно точно формулирующую законы нормативной психологіи пастыря и съ точки зрѣнія ея регулирующую дѣятельность его, дисциплину, несомнѣнно имѣющую практическое значеніе, во-первыхъ, въ смыслѣ наученія приготовленію къ пастырству представленіемъ послѣдняго во всей его высотѣ и красотѣ и, во-вторыхъ, въ смыслѣ даже руководства для тѣхъ, которые вступятъ практическими дѣятелями на это поприще, гдѣ уже самымъ опытомъ не только провѣрятъ справедливость ея положеній, но и выработаютъ каждый для себя свою индивидуальную пастырскую психику подѣ контролемъ общихъ принциповъ науки Пастырскаго богословія.

Н. Коноваловъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки